

О. В. Кудрявцев

РИМСКАЯ ПОЛИТИКА В АРМЕНИИ И ПАРФИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА

Перелом во внешней политике Рима, наступающий в начале нашей эры, и установление империи находились в глубокой внутренней связи. Италия жаждала мира, и мир стал знаменем нового порядка вещей. Самому Августу пришлось вести много войн, но преемникам своим он завещал не расширять пределы империи¹. Сила обстоятельств вынуждала империю к обороне.

Причины этого коренились во внутреннем и внешнем положении римского государства. Победа Октавиана над Антонием закрепила экономическое, политическое и военное господство Италии над Средиземноморьем. Введенный Августом в сенат «цвет... колоний и муниципиев» (CIL, XIII, 1, 1, 1668) пополнил поредевшие ряды старой знати: новая итальянская аристократия стремилась не допускать провинциалов к почестям и римскому гражданству. Пополнение последнего за счет жителей провинций в первые десятилетия империи шло сравнительно медленно. Между тем в легионах могли служить только римские граждане, т. е. преимущественно италики², а истощенная Италия не могла обеспечить

¹ Та с., App., I, 11: «и добавил совет удерживать себя в границах империи...»; Та с., Agr., 13; Dio, LVI, 33, 5: «дал им совет довольствоваться существующим и никак не желать более увеличивать империю: ибо ее будет трудно охранять...»; также LIV, 9, 1; LVI, 41, 7; Suet., Aug., 21, 2.

² Это не значит, однако, что легионы набирались исключительно из италиков. Наоборот, Тацит неоднократно указывает на пополнение легионов провинциалами, имевшими римское гражданство. Та с., App., IV, 4: «Затем сообщается о старом и часто притворном решении [Тиберия] отправиться в провинции. Предлогом император выставлял множество ветеранов и необходимость пополнения войск наборами...»; XI, 24: «... при помощи выведения легионов по кругу земли добавлением сильнейших из провинциалов была оказана поддержка ослабевшей империи». См. также XIII, 35. Данные Тацита подтверждаются надписями: легион, стоявший в Египте, — XXII Deiotariana — пополнялся преимущественно галатами (CIL, III, 6627 = ILS, 2483 = Ephem. Epigr., V, 15; CIL, III, 12059 = ILS, 2274). Но слова Юлия Флора и Юлия Сакровира у Тацита, указывавших «насколько бедна Италия, насколько невоинственен городской плебс» и что «нет ничего сильного в войсках, кроме чужеземцев» (App., III, 40), являются двойным преувеличением, поскольку они вложены в уста галльских мятежников, стремившихся побудить своих соплеменников к отпадению, и вместе с тем отвечают настроением Тацита, всегда охотно выделявшего темные стороны императорского режима.

необходимого количества легионеров. По словам Энгельса, «легионы, составлявшиеся уже со времен Мария из наемных солдат, но все еще исключительно из италиков, начиная с Цезаря стали буквально вымирать, по мере того как вымирали и сами италики под гнетом стремительно растущих латифундий, которые обрабатывались рабами»¹. Действительно, опустошения, вызванные гражданскими войнами, рост латифундий, непрекращающийся упадок мелкого землевладения и зарождение колоната приводили к тому, что набор легионов в Италии становился все более и более затруднительным. К тому же содержание легионов тяжелым бременем ложилось на финансы империи: благодаря ограниченности военных действий войска перестали окупать себя, а наделение земель при отставке было заменено единовременной выдачей крупной денежной суммы. Все это приводило к тому, что число легионеров в последние годы Августа не превышало 150 000 человек, а число легионов—25. «Сто пятьдесят тысяч человек, составлявшие сомкнутые ряды 25 легионов пехоты, можно было удерживать в строю лишь при помощи самых крайних средств. Двадцатилетний срок службы не соблюдался; отслуживших срок ветеранов заставляли на неопределенное время оставаться под знаменами. Это было главной причиной бунта римских легионов после смерти Августа, бунта, так наглядно изображенного Тацитом... Пополнение войска сыновьями свободных италийских крестьян прекратилось вместе с исчезновением самих италийских крестьян. Каждое новое пополнение легионов добавочными контингентами ухудшало качество войска. И так как приходилось, тем не менее, по возможности щадить легионы, это с трудом сохраняемое ядро всех военных сил, то на первый план все более выдвигаются вспомогательные войска; они сражаются в битвах, в которых легионы служат лишь резервом, так что батавы могли сказать уже во времена Клавдия: кровью провинций завоевываются провинции.

С таким войском уже нельзя было теперь вести большие наступательные войны, а скоро стало невозможным давать и крупные наступательные сражения. Вырождение войска заставило государство ограничиться обороной, которая вначале еще носила наступательный характер, а потом становилась все более пассивной...»(там же). Таким образом, одной из причин постепенного перехода Римской империи к обороне было дурное состояние римской армии.

С другой стороны, в последнее столетие республики и при Августе границы римской державы расширились настолько, что наличное число легионов было достаточно только для обороны империи, но не позволяло ей вести широкие наступательные операции. К тому же военные силы легионов имели своей задачей не только борьбу с внешним врагом, но и поддержание порядка внутри империи. Новые земли, недавно покоренные Римом на протяжении от Атлантического океана до Черного моря, были по большей части населены народами, еще не переступившими порога цивилизации; управление этими территориями не могло быть организовано по образцу старых областей, но требовало значительных военных сил. Испанские провинции, хотя они и не были пограничными, все же требовали трех легионов; в Далмации, которая находилась в сходном положении, стояли два; назначением восьми рейнских легионов была не только борьба с вольными германцами, но и удержание в повиновении покоренных галлов. Четыре легиона, находившиеся во времена Тиберия в Сирии, были расположены внутри страны: ни один из них не стоял на

¹ Энгельс, К истории древних германцев, Маркс и Энгельс, Соч., XVI. 1. стр. 362.

Евфрате. Тем большую трудность представляло для империи наступление за Рейн и Дунай по непроходимым лесам и болотам Германии: все походы римлян в эту страну были неудачны.

Наконец, закрепление покоренных территорий требовало реорганизации их по образцу коренных областей греко-римского мира путем распространения античного городского строя. Усиленное градостроительство и превращение племенных территорий в городские (например, в Галлии) были характерными явлениями ранней империи. Так происходило экстенсивное развитие рабовладельческого строя. Этот процесс, связанный с романизацией и эллинизацией варварских народов, требовал времени и сил, а без освоения покоренных территорий дальнейшее наступление было невозможно. Энгельс показывает, что именно это было главной причиной, почему римлянам не удалось укрепиться в Германии: попытка ввести варварские племена германцев в рамки римской провинциальной жизни оказалась неудачной (там же, стр. 357).

Таковы были внутренние причины, препятствовавшие дальнейшему расширению пределов римской державы. С другой стороны, римляне повсюду наталкивались на активное сопротивление варваров. Поражение Вара, неудачная борьба с царством Маробода, постоянные столкновения на дунайской границе являются тому примером. На северо-востоке римлянам приходилось постоянно отражать нашествия кочевников. Империя достигла своих естественных границ: Рейна, Дуная и Евфрата, и перейти за них она не была в состоянии. Таким образом, и внешнее и внутреннее положение империи препятствовало дальнейшим завоеваниям.

На Востоке, более чем где-либо, Римская империя была вынуждена отказаться от дальнейшего наступления. На всю азиатскую границу от Понта Эвксинского до Эритрейского моря приходилось четыре легиона, стоявших в Сирии и подчиненных ее легату. О боевых качествах этих легионов можно судить по словам Тацита: «Достаточно известно, что были в этом войске ветераны, которые не ходили ни на сторожевые посты, ни на вигилии, разглядывали вал и ров, как нечто новое и удивительное, и прошли военную службу по городам без шлемов, без лат, щеголями и людьми, заботящимися о наживе» (Ann., XIII.35). Такие важные провинции, как Каппадокия, вообще не имели гарнизона из легионариев. К тому же азиатские провинции были менее тесно связаны с Римом, чем Галлия или Испания. Римское гражданство распространялось здесь значительно медленнее, чем на романизованном Западе; набираемые на месте войска с трудом усваивали римскую дисциплину¹. Значительные области Малой Азии были еще почти чужды городской цивилизации антич-

¹ Дурное качество войск, набираемых в восточных провинциях, хорошо показывает Тацит (Hist., III, 47), говоря о когорте, стоявшей в Понте и образованной из царского вспомогательного отряда: ее воины, «наделенные римским гражданством, имели знамена и оружие по нашему образцу, а праздность и распушенность—по образцу греков». В таком же положении находились и легионы, переведенные при назначении Корбулона из Армении в Сирию (Ann., XIII, 35), причем в данном случае следует восстановить рукописное предание: «*Suria transmotae legiones... munia Romanorum aegergime tolerabant*», «переведенные из Сирии легионы... с трудом терпели обязанности римлян». Слово «*Romanorum*» по-разному исправляют все издатели (Bötticher, Halm: «*castrorum*»; Freinsheim: «*armorum*»; Heinsius: «*Romano more*»; Nipperdey: «*castrorum Romanorum*»), однако проще всего оставить рукописное чтение: уроженцы Востока, наделенные римским гражданством при зачислении в легионы, с трудом сносили обязанности своего нового социального положения.

ного мира¹. На юге очагом постоянной опасности для Рима была Иудея. Лишь наиболее цивилизованная часть римского Востока была организована в виде провинций: две трети Малой Азии, южная половина Сирии, многие пограничные земли представляли собой царства, владельцы которых находились в зависимости от Рима. Области, слабо затронутые античной городской цивилизацией или отличавшиеся значительным культурным своеобразием, трудно было сразу организовать в виде провинций. Система зависимых царств, доставшаяся империи в наследство от республики, была средством, при помощи которого римское правительство удерживало восточную границу. Однако для наступательных операций войска зависимых царей были совершенно непригодны.

С другой стороны, внешняя обстановка на восточной границе была не менее сложна, чем на Рейне или Дунае. Здесь Римская империя сталкивалась с единственной державой, которая могла до известной степени с ней равняться. Правда, Парфия, разделенная на несколько царств, раздираемая внутренними междоусобиями, также не была способна к наступлению. Но и для Рима прочные завоевания в областях арамейского и иранского населения, чуждого городской цивилизации античного мира и эллинистической культуре, где недостаточно развито рабовладение сосуществовало с примитивными формами земельных отношений, унаследованными от древнего Востока, были невозможны. Поэтому, начиная со времени Августа, столкновения между Римом и Парфией сводились к борьбе за Армению или политическим интригам Рима в государстве Арсакидов. К югу от Евфрата граница империи упиралась в Сирийскую и Аравийскую пустыни, которые ставили естественный предел распространению римских владений.

Все эти обстоятельства препятствовали дальнейшему расширению империи. Однако внешняя политика Рима определялась не только положением вещей, но также взглядами и интересами различных группировок правящего класса империи. При Августе и его преемниках продолжает сохранять значение старая знать, настроение которой разделяют и многие представители новой аристократии. Эти консервативные круги считали оборонительную политику наиболее соответствующей благу империи. Защищая свои интересы, они отождествляли их с интересами всего государства в целом: они не хотели увеличения войска, опасаясь усиления императорской власти и помня проскрипции триумвиров. С другой стороны, до тех пор, пока высшие командные посты в армии находились преимущественно в руках нобилей, увеличение войска было опасно и для самого императорского дома (Т а с., *Ann.*, I, 31). Менее всего соответствовали интересам коренной римской знати завоевания на Востоке: распространение римских владений в этом направлении грозило, в пред-

¹ Население Фригии, несмотря на ряд городов, еще в эпоху империи считалось образцом варварства (Ар., *Flor.*, III; *I u s t.*, *Dial. c. Tryph.*, 99). См. А. Б. Рапо-вич, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии, ВДИ, 1947, № 2, стр. 30. Галатия стала покрываться городами, преимущественно военными колониями, лишь в I в. н. э.: *ἡ πόλις Γαλατικῆς*, название, под которым она фигурирует в источниках (*Acta ar.*, 16, 6), указывает на ее негородской характер. Это подтверждается описанием центральных частей Малой Азии у Плиния (*NH.* V, 146—7). Из десяти стратегий Каппадокии, перечисляемых Страбонам (*XII*, 1, 4), только две имели города (*XII*, 2, 5; 7), тогда как во времена Птолемея (V, 6) их число увеличилось только до пяти. Наконец, в первый период империи значительную роль продолжали играть жреческие княжества (Ольба: *Hill. Catalogue of the Greek Coins of Lycæonia, Isauria and Cilicia*, 1900, стр. XXX, LIV, 119).

ставлении этих кругов, нарастанием восточных влияний и соответствующим перерождением императорской власти в монархию восточного типа.

Иными были настроения новой знати, складывавшейся на протяжении первого столетия империи. Далеко не все представители сенаторского сословия, попадавшие в него в эпоху принципата, подчинялись древним традициям римской аристократии. Выдвигавшиеся на императорской службе и постепенно оттеснявшие старую знать от командных высот, они были искренними сторонниками существующего режима. Их настроения разделяли представители нарождающейся императорской бюрократии, всадники, отпущенники, проникавшие в первые два сословия империи провинциалы. Этим людям не могли смущать опасения старой знати: завоевательные войны казались им лучшим средством для дальнейшего продвижения по лестнице должностей, источником почестей и богатства. Вместе с тем расширение социальной базы императорского режима приводило к укреплению империи, благодаря чему открывались некоторые возможности для наступательной политики. Пополнение римского гражданства за счет провинциалов делало возможным известное увеличение войска. Постепенное замирение провинций частично освобождало занятые в них легионы, более интенсивная эксплуатация естественных богатств в провинциях укрепляла финансы империи. Освоение провинций превращало их в более удобные плацдармы для наступления. Наконец, сила сопротивления противников Рима временами ослабевала, в то время как субъективные интересы новой знати толкали империю к наступлению на различных фронтах.

Изгибы внешней политики Рима определялись различными сочетаниями объективных обстоятельств, с одной стороны, и борьбой группировок внутри римского правящего класса, с другой. К концу правления Августа до известной степени наступает примирение старой знати с императорским режимом; параллельно с этим, особенно после поражения Вара, во внешней политике империи побеждают оборонительные тенденции. Тиберий верно следовал заветам Августа и во внутренней и во внешней политике. При нем не было значительных внешних войн: ему больше нравилось поощрять смуты среди чужеземных или зависимых племен (Тас., *Ann.*, II, 62—63), и его оборонительные мероприятия были успешны (Vell., II, 129, 3; Suet., *Tib.*, 37; *Anton.*, *Ep.*, II, 8). Во внешней политике Тиберий был наиболее верным продолжателем Августа.

Иное наступает при его преемниках. Гай разрывает и с итальянскими традициями принципата и с внешнеполитическими заветами Августа. Поклонник Антония (Dio, *LIX*, 20,2), он окружает себя толпой союзных царей (*LIX*, 82) и мечтает о завоевательных походах (Suet., *Cal.*, 45). То же самое происходит и при Клавдии. Правительство, которое вступает на новый путь и ищет опоры среди всадников и провинциалов, обращается к активной внешней политике. Покоряется Британия. Захватывается область к северу от Драва. Бои подчиняются префекту. В Германии Корбулоном ведется наступление, позднее, впрочем, остановленное по приказу Клавдия (Тас., *Ann.*, XI, 9). Создаются новые легионы. Зависимые царства обращаются в провинции (II, 63; *Eus.*, *Chron.*, 152 Hq; *Vers. Arm.*, 2062e; *Nier.*, 2064q).

Но так было только на Западе. На Востоке сохраняется система союзных царств. Неудачная попытка вмешаться в дела Парфии при помощи кандидатуры Мегердата также не выходит за рамки восточной политики Августа, традиции которой продолжают сохранять свое значение.

Итак, при Августе и его преемниках складываются два направления внешней политики: оборонительное и наступательное. В области восточ-

ной политики борьба этих двух направлений наполняет почти все правление Нерона.

Основным содержанием римской восточной политики был вопрос об отношениях с Парфией. С тех пор, как нашествие Пакора и Базафрана окончилось неудачей, Парфия не делала серьезных попыток к нападению на римские провинции. Династические междоусобия, восстания отдельных областей, разъедающее влияние римской дипломатии делали ее неспособной к ним. Рим также, в основном, придерживался оборонительной политики, и потому важнейшие противоречия между Римом и Парфией сводились к борьбе за Армению. Расположенная на фланге евфратского театра военных действий, Армения имела одинаково важное стратегическое значение и для Рима и для Парфии. Переход ее в руки одного из противников представлял значительную опасность для другого: для обеих держав самое важное было *не захватить* Армению, а *не допустить захват* ее другой державой. Господство Рима в Армении ставило Парфию под угрозу постоянного вмешательства императорского правительства в ее дела, переход Армении в руки Парфии обнажал римскую восточную границу, лишенную, за исключением Сирии, легионов. Поэтому вопрос обладания Арменией был для обеих держав жизненно важным.

Со времени Августа Армения почти непрерывно находилась в зависимости от Рима, но попыток превратить ее в провинцию Рим не предпринимал. «Когда я мог бы Великую Армению... сделать провинцией, я предпочел по примеру предков наших передать царство это Тиграну»...—говорит Август (RGDA, 27; см. также Vell., II, 94, 4). Управление Арменией при помощи царя, назначаемого из Рима, стало системой и продержалось с небольшими перерывами до Нерона. Таким царем при Клавдии был Митридат, брат иберского царя Фарасмана (Tac., Ann., XI, 8—9; Dio, LX, 8, 1). В 51 г. Радамист, сын Фарасмана, по совету отца и с его помощью, склонив на свою сторону армянскую знать (Tac., Ann., XII, 44), начал завоевание Армении. Митридат сдался Радамисту в Горнеях (XII, 46) и был убит. Вялость сирийского легата Уммидия Квадрата (XII, 48—49) и самовольное вмешательство прокуратора Каппадокии Юлия Пелигна в пользу непопулярного в Армении Радамиста (XII, 49) сделали страну легкой добычей парфян (XII, 50). Радамист еще раз появился в Армении, но был вынужден бежать вследствие восстания своих подданных (XIII, 6). К 54 г. парфяне снова заняли страну (XIII, 7).

Итак, конец правления Клавдия был ознаменован полным провалом римского господства в Армении. 13 октября 54 г. Клавдий умер, и его преемником сделался Нерон. Власть оставалась в руках Агриппины. «Она давала аудиенции посольствам и посылала письма правителям, народам и царям» (Dio, LXI, 3, 2). Обладая титулом Августы¹, она хотела быть соправительницей сына (Tac., Ann., XIII, 2; Suet., Nero, 9; Dio, LXI, 3, 2; ср. Tac., Ann., XIV, 11). Они совместно изображались на монетах². В противоположность распространенному мнению, следует заметить, что Агриппина продолжала политику Клавдия, стремившегося, особенно в последние годы, опираться на новую знать и предоставившего большинство государственных дел ведению своих отпущен-

¹ Dio, LX, 33, 2a. В нем заключалась идея соучастия во власти (ср. LX, 33, 7; 12).

² Eckhel, Doctrina numorum veterum, II, 1794, стр. 257; VI, 1794, стр. 288; Cohen, Description historique des monnaies, frappées sous l'Empire Romain communément appelées Médailles Impériales, I, 1859, стр. 175—176.

ников. Ее советником оставался Паллант, «который... действовал как бы с произволом, присущим царской власти»¹. Правление Агриппины сохраняло все черты предшествующего принципата: Нерон, провозглашая в сенате новый курс, обещал отречься именно от того, что было характерным для политики Клавдия и Агриппины².

Соответственно этому правительство Агриппины и в Армении продолжало политику последних лет Клавдия. Туда был послан некий Лелиан, который, как говорил Дион, «был несколько не лучше Поллиона, но насколько превосходил того достоинством, настолько родился более ненасытным к прибылям» (LXI, 6, 6). Самоуправство и корыстолюбие этого Лелиана превзошли худшие примеры последних лет Клавдия. Немудрено, что к концу года Армения была окончательно потеряна.

Правление Агриппины было недолгим. Вокруг молодого императора вскоре развернулась борьба: воспитатель Нерона Луций Анней Сенека и префект претория Секст Афраний Бурр, стремясь захватить в свои руки всю полноту власти, выступили против Агриппины (Тас., Ann., XIII, 2; 14; Дио, LXI, 3, 4). Сенека и Бурр были представителями той самой новой знати, которая усилилась при Клавдии. Они выдвинулись первоначально с помощью Агриппины³. Однако, вступив с ней в борьбу еще в первые месяцы правления Нерона, они были вынуждены пойти на сближение с сенатом. Сын испанского ретора и римский всадник из Нарбонской Галлии (Сил, XII, 5842) оказались вождями аристократической оппозиции.

К концу 54 г. Сенека и Бурр взяли власть в свои руки. Они встретили широкое сочувствие высших кругов римского общества и руководили судьбами империи первые семь—восемь лет нероновского принципата⁴. Первая речь Нерона, написанная Сенекой, была программой нового правления, составленной по контрасту с предыдущим. Законное отправление суда, борьба с подкупам, уничтожение частной административной, обеспечение прав сената и магистратов, разделение сфер ведения императора и сената—ее существенные черты (Тас., Ann., XIII, 4). Нерон избрал своим образцом Августа (Сет., Nero, 10, 1), ибо после правлений Тиберия, Гая и Клавдия времена Августа казались для знати золотым веком. Это не было пустыми словами: Сенека и Бурр проводили широкие преобразования по сравнению с предыдущим принципатом (Дио, LXI, 4, 1). Возрастает значение сената (Тас., Ann., XIII, 5; XIV, 49; даже XV, 73). Характеризуя это время, Тацит говорит, что над государством господствовал «призрак республики» (XIII, 28).

Новый курс выражался не только в красивых словах и поступках принцепса подобно отказу от золотой или серебряной статуи (XIII, 10), или отмене караула на играх, «чтобы был большой вид свободы» (XIII,

¹ Тас., Ann., XIII, 14: «quis... velut arbitrium regni agebat».

² Тас., Ann., XIII, 4. Господству Палланта Нерон противопоставил, по словам Тацита, «разделение дома и республики»; иною речью Нерон обещал, что государственные дела не будут отныне зависеть от произвола императорских отпущенников. Общая характеристика правления Агриппины у Диона находит любопытную параллель в речи Нерона у Тацита: Агриппина «торговала всем и добывала деньги из самого незначительного и позорного» (Дио, LXI, 6, 5), Нерон говорил, что «ничто у его пенатов не будет продажным или доступным искательству» (Тас., Ann., XIII, 4).

³ Сенека: Тас., Ann., XII, 8; Дио, LX, 32, 3; LXI, 10, 1; Schol. vet. in Iuv., V, 108—109; Бурр: Дио, LXI, 10, 6; Тацит указывает на Бурра, как на человека «выдающейся военной славы, знавшего, однако, по чьей воле он продвигается» (Ann., XII, 42).

⁴ Замечание Диона (LXI, 7, 5) противоречит другим источникам.

24), но и в широком увеличении круга ведения сената¹, в усилении значения старших магистратур², в ограничении частной администрации и в ослаблении значения отпущенников (Т а с., Ann., XIII, 4). Палланта (XIII, 14) сменяет Клавдий, не пытавшийся вмешиваться в высшую политику. Отпущенники выступают лишь в делах, связанных с императорским домом (XIII, 21), их значение покоится на личных отношениях с Кесарем, в их руках находятся лишь второстепенные отрасли администрации, например, флот (XIV, 3). Управление империей сосредоточивается в руках знати.

Административным реформам соответствует сословная политика. Светоний говорит о дружеском отношении Нерона к сенаторам в начале правления (S u e t., Nero, 10). Сокращается число политических процессов³; адвокатура становится привилегией знати⁴; представителям сенаторского сословия оказывается материальная помощь⁵. По настоянию сената Нерон легко отказывается от уничтожения косвенных налогов (Т а с., Ann., XIII, 50). Ограничивается дальнейшее численное увеличение сенаторского сословия⁶, укрепляется рабовладельческое право⁷, поддерживаются древние обычаи⁸, столь дорогие старой аристократии. Хотя реальное преобладание и оставалось на стороне императора, во время «пятилетия Нерона» старая знать в последний раз наслаждалась призраком власти. Традиции Августа наложили отпечаток и на внешнюю политику эпохи.

Новое правительство столкнулось с тяжелым положением на Востоке. Армения была потеряна. В Риме надеялись на Сенеку и Бурра, ожидая избрания «выдающегося вождя, а не богатого и снискавшего поддержку и благосклонность благодаря искательству» (Т а с., Ann., XIII, 6). И действительно, новые правители сумели сделать хороший выбор.

¹ Здесь решаются дела о вымогательствах (Т а с., Ann., XIII, 4; 33; XIV, 18; Q u i n t., Inst., VI, 1, 4; I u v., Sat., VIII, 92 слл.), даже в императорских провинциях (Т а с., Ann., XIII, 30: дело Виспация Лената). Сенат—высшая кассационная палата для Италии и сенатских провинций (S u e t., Nero, 17), сюда передано дело о столкновении жителей Нукерии и Помпей (Т а с., Ann., XIV, 17). Уравнение залога при апелляции в сенат с тем, который выплачивался при обращении к императору: XIV, 28. Передача императором значительных сумм эрарию: XIII, 31; XIV, 18. Монета «ex s[enatus]-c[onsulto]»: Cohen, I, 176.

² Нерон запрещает присягать своим постановлениям своему коллеге по консульству (Т а с., Ann., XIII, 1), ограничиваются права трибунов в пользу преторов и консулов и залогов, падаемые эдилами (XIII, 28), управление эрарием переходит от квесторов к префектам из бывших преторов, правда, назначаемым императором (XIII, 28—29), но обязанным отчитываться перед сенатом (H i e r., 2083h; Vers. Arm., 2083 e). Здесь опять возвращение к августовскому порядку, ибо тогда эрарием управляли сперва префекты, а потом преторы.

³ Освобождаются от суда Карринат Целер (Т а с., Ann., XIII, 10), Сульпиций Камерин, Помпей Сильван (XIII, 52), оправдываются Сулла (XIII, 23), Эурий Марцелл (XIII, 33), затягивается процесс Публия Целера (XIII, 33); процесс Юлия Монтана—не политический (XIII, 25; S u e t., Nero, 26, 2). Сулла и Плавт, сосланные в конце периода—соперники принцепса (Т а с., Ann., XIII, 19—21). Уменьшение наград доносчикам: S u e t., Nero, 10. Случай наказания их: Т а с., Ann., XIII, 23.

⁴ Восстановление lex Cincia (Т а с., Ann., XIII, 5; 42). Ср. S u e t., Nero, 17,

⁵ Т а с., Ann., XIII, 34; S u e t., Nero, 10, 1; подобно Августу (Т а с., Ann., II, 37; S u e t., Aug., 41, 1) и Тиберию (Т а с., Ann., I, 75; II, 38).

⁶ Недопущение сыновей отпущенников в сенат, а допущенных ранее—к почетным должностям: S u e t., Nero, 15, 2.

⁷ Расширение senatus consultum Silanianum: Т а с., Ann., XIII, 32; P a u l., Sent., III, 5, 6; дело Педания Секунда: Т а с., Ann., XIV, 45; прекращение процесса Каррината Целера, обвиненного рабом: XIII, 10.

⁸ Старинные обряды: Т а с., Ann., XIII, 24; борьба с чужеземными суевериями, семейный суд: XIII, 32; законы против роскоши: S u e t., Nero, 16, 2.

Происхождение Гнея Домиция Корбулона было не таково, чтобы привлечь к нему расположение старой знати. Правда, род Домициев был наделен патрициатом, но Корбулон не был нобилем¹ и почести его семьи были недавними. Его отец Домиций Корбулон еще до 24 г. был претором (Т а с., App., III, 31), но получил консульство только в 39 г. (D i o, LIX, 15,5). При Тиберии он сильно скомпрометировал себя в глазах знати, выступая обвинителем в процессах о неисправности италийских дорог (Т а с., App., III, 31; D i o, LIX, 15,3), и еще шире развернул свою деятельность при Гае (LIX, 15,4). Блестящие способности по вымоганию денег обеспечили ему расположение этого императора. Отцу Корбулона удалось достичь консульства, но успех его не был длительным. При Клавдии он был обвинен и наказан, а потерпевшим было отдано взысканное с него (LIX, 15,5; LX, 17,2). Происхождение не давало его сыну больших преимуществ, и только личные достоинства сделали Корбулона вершителем судеб римского Востока.

При Клавдии Корбулон управлял Нижней Германией (Т а с., App., XI, 18—20; D i o, LX, 30,4—6), где проявились наиболее яркие черты его характера: военный талант (Т а с., App., XI, 18—19) и дипломатическое искусство (XI, 19), умение укреплять дисциплину (XI, 18, 20; D i o, LX, 30,4—6) и древняя суровость (Т а с., App., XI, 18). Корбулон и самого себя не освобождал от тягостей дисциплины (XIII, 35; XIV, 24). Все это сделало из сына сподвижника Калигулы героя аристократии, отношение которой к Корбулону отражено в характеристике, даваемой ему у Диона (LXII, 19,2), напоминающей панегирик, но истинной в основе. Успешное наступление Корбулона в Германии (Т а с., App., XI, 20; D i o, LX, 30,4), которое он был вынужден оставить по приказу императора (Т а с., App., XI, 19—20; D i o, LX, 30,5), и последние годы, проведенные в бездействии и как бы в опале, еще более привлекли к нему расположение знати. Назначение Корбулона было для Сенэки и Бурра средством привлечь общественное мнение на свою сторону во время борьбы с Агриппиной, так как личные достоинства полководца ручались за то, что затруднения на Востоке будут успешно устранены.

Корбулон прибыл на Восток в 55 г. Немедленно после этого, видимо, согласно ранее полученным распоряжениям, он отправил послов в Ктесифонт с тем, чтобы склонить Вологеса на мир. Одновременно, такое же посольство было отправлено легатом Сирии Уммидием Квадратом (Т а с., App., XIII, 9). Была «восстановлена дружба» (XIII, 37), и Вологес, «чтобы тем удобнее подготавливать войну или чтобы удалить под видом заложников подозреваемых в соперничестве» (XIII, 9), легко передал римлянам знатнейших Арсакидов в качестве заложников². Римское правительство достигло мира, необходимого для подготовки к войне.

¹ Тацит никогда не называет Корбулона нобилем, но упоминает его блестящее происхождение (Т а с., Hist., II, 76). Можно предполагать, что нобилитет был замкнут в эпоху империи, нобилиями считались только потомки консулов республиканского периода, но зато он наследовался и по женской линии. Закрывшие нобилитета, видимо, произошло в период между 9 и 24 гг. Источники императорской эпохи называют сорок одного нобилия, и Корбулона нет в их числе. Первое консульство Корбулонов—39 г. (D i o, LIX, 15, 5).

² Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, 1, 1883, стр. 349, говорит, что заложники были даны Тиридатом. Однако слова Тацита (App., XIII, 37) могут относиться и к Вологесу. Принятие заложников от Тиридата означало бы его официальное признание, чего римское правительство упорно стремилось избежать. Тиридат не был отозван (XIII, 7), как думает Нотомо, Le Haut-Empire, 1933, стр. 295. Армения не была упомянута в переговорах, и римляне пока молчаливо признали царем Арсакида. К этим же событиям относятся D i o, LXII, 19, 1, «ибо ведь Вологес, царь парфян, и Тиридат, правивший Арменией, были уstraшены при одном известии о Корбулоне».

56 год был занят подготовкой Корбулона к войне. Мнение Шура¹, что это время было наполнено переговорами с Тиридатом, протекавшими уже на территории Армении, не соответствует действительности и вытекает только из его общих построений. Оно опровергается словами Тацита², показывающими, что в это время военные действия еще не начались. Эти слова находятся вне рассказов о Корбулоне и потому обычно выпадали из поля зрения исследователей.

Вопрос о целях парфянской политики Сенеки и Бурра является центральной проблемой истории римско-парфянских отношений в первой половине правления Нерона. Общепринятое в настоящее время мнение полагает, что римляне хотели превратить Тиридата в зависимого от них царя и, таким образом, не роняя своего престижа, отделаться от Армении, отдав ее фактически парфянам³.

Однако эта точка зрения совершенно неприемлема. Беспочинный отказ от традиции целого столетия непонятен. Разочарование в своих возможностях по отношению к Армении у римлян еще не наступило. К тому же вопрос о том, что делать с Арменией (там же, V, 374—375), далеко не зависел от свободного выбора римских государственных мужей. Империя Юлиев и Клавдиев не была в состоянии сделать Армению провинцией, и назначение зависимого царя было единственным способом сохранить влияние в стране. Нет оснований полагать, что Корбулон и Квадрат, хотя бы тайно, признали Тиридата: об Армении не было упомянуто в переговорах⁴. Неподготовленность Рима к войне заставила его пойти на временное соглашение. Вологес дал заложников не потому, что верил в мирные намерения Рима (М о м м з., V, 375), а потому, что это было ему выгодно (Т а с., Ann., XIII, 9). Несогласие Вологеса и Тиридата является предположением, которое нельзя доказать.

Отдельные указания в источниках, которые, как будто, указывают на стремление договориться с Тиридатом, в действительности ничего не говорят. По словам Тацита, «Вологес не допускал, чтобы брат Тиридат был лишен данного им [Вологесом] царства или имел его, как дар другой державы» (XIII, 34). Отсюда, однако, нельзя заключать о наличии до начала войны переговоров с Римом, предметом которых служило установление зависимости Тиридата от Рима. Это заключение неверно, поскольку в договоре 55 г. Армения не была упомянута, а отсутствие каких-либо переговоров до вступления Корбулона в страну доказывается словами Тиридата, который, отправляя послов к Корбулону, ссылается именно на

¹ Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923, стр. 8.

² Т а с., Ann., XIII, 25: «при консулах Квинте Волусии, Публии Сципионе внеш-ний покой».

³ Эту точку зрения впервые высказал М о м м з е н. Римская история, V, 1885, стр. 374. За ним следуют Henderson, The Life and Principate of the Emperor Nero, 1903, стр. 157—161; Schur, Die Orientpolitik des Kaisers Nero, 1923, стр. 1—5, 7, 30—31, 37, 57; Anderson, The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, САН, X, 1934, стр. 770; см. Кудрявцев, «Восточная политика Римской империи при Нероне (критический обзор историографии вопроса)», ВДП, 1948, № 2, стр. 83.

⁴ Позднее Тиридат жаловался (Т а с., Ann., XIII, 37): «почему после того, как даны заложники и восстановлена дружба, ... он изгоняется из своего старого владения из Армении». Условия договора были составлены римлянами намеренно небрежно. Они не хотели брать на себя обязательств, но желали, чтобы Вологес думал так некоторое время. Впрочем, тот не обманывался в истинных намерениях Рима.

договор 55 г. и приводит в оправдание своего господства в Армении не согласие Рима, а давность владения. В таком случае, вышеприведенные слова Тацита о нежелании Вологеса пойти на соглашение с Римом могут относиться только к тем переговорам, которые начались после упомянутого посольства Тиридата. Во время этих переговоров Корбулон предлагал Тиридату сделаться зависимым от Рима царем и не пытаться отстаивать свою самостоятельность силой оружия (XIII, 27). То, что слова о Вологесе стоят у Тацита раньше, объясняется композицией его труда¹. В действительности, дело происходило следующим образом: Тиридат, получив предложение от Корбулона, сорвал переговоры (XIII, 38), а Вологес, находившийся в это время на войне с гирканами, одобрял поступок брата и побуждал его к упорному сопротивлению.

Итак, первая выдержка из Тацита представляет собой несколько расширенное повторение второй и, таким образом, не может быть привлечена в качестве самостоятельного доказательства. Остается выяснить причину совета, данного Корбулоном армянскому царю. Правительство вовсе не хотело примириться с Тиридатом, а Корбулон — отступить с первых шагов от того, ради чего он был послан на Восток. Официальная программа войны состояла в том, чтобы «вернуть завоеванное некогда Лукуллом и Помпеем» (XIII, 34), а устройство покоренной области мыслилось в привычной форме зависимого царства. Последующие события подтверждают это. Возвращение Тиридата означало бы потерю Армении, а потому предложение Корбулона правителю Армении было сделано для того, чтобы передоверить вину войны на парфян, отвергающих справедливые условия. Римский полковник был заранее уверен в отказе. Для Арсакида было бы нелепо подчиниться Риму, не испытав оружия, а империя не стала бы готовиться несколько лет только для того, чтобы произвести военную демонстрацию.

Стратегия Корбулона подтверждает высказанные соображения. Нельзя разделять военные действия 57—58 гг. на два похода и поход 57 г. считать демонстративным, имеющим своей целью принудить Тиридата к покорности, поскольку он был направлен в долину Эрзурума, отделенную от долин Арсания и Аракса непроходимыми горами (Schur, 9). Настоящие походы 58 и 63 гг. направлялись в долину Арсания (там же, 10). Однако нельзя усмотреть никакого различия в направлении удара между 57 и 58 гг., хотя кампании этих годов и были разделены полосой зимнего бездействия. Поэтому невозможно говорить об особом походе 58 г. Корбулон предпочитал держаться северного направления потому, что в этом случае легче было обеспечить снабжение войск с берегов Понта (Tac., Ann., XIII, 39). Походы, отправлявшиеся с самого начала в долину Арсания, имели для этого особые причины. Целью похода Пета было возвращение Тигранокерты, и он был направлен поэтому в южную Армению, а поход 63 г. был именно демонстративным; его предполагалось вести недолго и потому не было необходимости в хорошо организованной связи с Понтом. С другой стороны, Эрзурум расположен близко к течению Аракса и вместо кругового пути через Агры-Даг в долину Алашкирта и оттуда на Диядин и Баязид гораздо проще предположить движение между Агры-Дагом и Араксом. Поэтому,

¹ Соответствующее повествование Тацита (Ann., XIII, 34—41), приуроченное к 58 г. (XIII, 34: «в начале этого года»), охватывает события 56—58 гг.

то, что Корбулон первоначально занял долину Эрзурума, не противоречит тому, что основной целью похода с самого начала был вооруженный захват Артаксаты. Вот почему и этот аргумент Шура оказывается неубедительным.

Таким образом, восточная политика Сенеки и Бурра соответствовала их внутренней политике: и здесь они пошли вслед за Августом, не желая ломать привычных путей. Изменение наступило много позднее под влиянием исхода парфянской войны.

Летом 58 г. Корбулон покорил Армению и взял обе ее столицы. Его поведение по отношению к Артаксате и Тигранокерте прекрасно отражает намерения римского правительства. Если Артаксата, расположенная в глубине страны и бывшая символом парфянского господства в Армении¹, была разрушена (T а с., Ann., XIII, 41; D i o, LXII, 20,1), то Тигранокерта—центр эллинизованных областей страны—осталась невредимой (T а с., Ann., XIV, 24). Здесь поселился римский ставленник Тигран.

Пока Корбулон покорял Армению, в Риме закрепляли результаты его завоеваний дипломатическим путем. К сожалению, о римской дипломатии этого времени имеются только разрозненные упоминания. Вожди фризов, будучи в театре Помпея, «заметили некоторых в чужеземной одежде на сидениях сенаторов» (XIII, 54); узнав, что «эта честь дается послам тех народов, которые выделяются доблестью и дружбой» (XIII, 54), они спускаются и садятся в оркестре. То же самое известие Светоний относит ко времени Клавдия, но зато сообщает, что послы, которых увидели фризы, были послами парфян и армян» (Suet., Claud., 25). Включение Тацитом рассказа о фризах в анналистическую схему побуждает принять его датировку. Шур² относит это событие к поздней осени 57 г. и заключает отсюда, что в это время в Риме находились послы Вологеса и Тиридата, которые, согласно общим построениям Шура, якобы пытались договориться об условиях признания Тиридата Римом. Не следует, однако, делать столь поспешных заключений. Данное событие помещено у Тацита под 58 г., и датировка Шура происходит отчасти из общего положения, что германские события, рассказанные в этой книге, длились несколько лет, отчасти из желания сопоставить это посольство с теми переговорами, которые шли в 57 г. между Корбулоном и Тиридатом. Других оснований предпочесть 57 год 58-му нет. В 58 г. в разгар войны не могло быть и речи о парфянском посольстве в Рим. Но и в 57 г. нельзя было бы назвать парфян народом, который выделяется римской дружбой. Можно, однако, найти другое объяснение. Армянские послы в это время могли находиться в Риме, ибо известно, что «армяне» в начале 58 г. «приглашали оружие той и другой стороны» (T а с., Ann., XIII, 34). Под парфянами же следует разуметь гирканов, чьи послы в это время тоже были в Риме. Если Светоний спутал императора, при котором произошло данное событие, то еще легче он мог сделать небольшую ошибку относительно национальной принадлежности посольства. Рим во время вооруженной борьбы не только старался поддерживать свою клиентелу на Востоке дипломатическим путем, но и приобрел союзников в тылу Парфии.

¹ Характерно то, что Тиридат после того, как преобладание в Армении перешло в руки парфян, выбрал своей столицей именно Артаксату (D i o, LXII, 6,5).

² Schur, Orientpol. 10; Schur, Untersuchungen zur Geschichte der Kriege Corbulos, «Klio», (1925), стр. 91.

Непосредственно о гирканских послых известно очень мало. «Когда они возвращались, Корбулон, дав охрану, препроводил их к берегам Красного моря, чтобы, перейдя Евфрат, они не были окружены стражами врагов; оттуда они, избежав пределов парфян, возвратились в отечество» (Тас., App., XIV, 26). Других известий о гирканском посольстве нет, и для оценки его значения приходится прибегать к догадкам. По мнению Шура, союз с гирканами, который означал включение Гиркании в римскую клиентелу, принес Риму многочисленные военные, политические и торговые выгоды (Schur, Orientp., стр. 35—36). При этом Шур отождествляет восстание гирканов с восстанием сына Вардана, о котором упоминает Тацит (App., XIII, 7). Это унижение двух Арсакидов (Schur, там же, 36)—Тиридата, которого римляне хотели включить в свою клиентелу, и сына Вардана—должно было повести, по мнению Шура, к постепенному превращению Парфии в римское вассальное царство (там же, 36; 81). Однако домыслы Шура не имеют достаточной опоры в источниках. Если можно согласиться с тем, что заключение гирканского союза имело место, и признать, что он облегчил Корбулону завоевание Армении (Тас., App., XIV, 25), то наличие фактического влияния Рима на Гирканию крайне сомнительно, а о превращении Парфии в зависимое государство не приходится и говорить: у Рима нехватало сил даже для удержания Армении. Далее Шур, исходя из предполагаемого факта заключения союза с Гирканией, развертывает сложную картину отношений Рима с этой страной до времен Траяна (Schur, там же, 114), между тем, как самый факт заключения союза не вполне достоверен¹. Поэтому лучше ограничиться самыми скромными предположениями.

Завоевание Армении и назначение царем римского ставленника завершало программу Сенеки и Бурра. Если римское правительство в это время и готовилось к новой войне, то только к войне оборонительной². Однако к началу 60 гг. в Риме выдвинулись новые силы, благодаря которым произошел перелом и в политике по отношению к Армении. «Пятилетие Нерона» окончилось, а несколько позднее произошел коренной перелом, резко разделяющий на две части историю нероновского principata.

Политика нероновского правительства по отношению к Армении показывает, что внешнее положение Рима определялось, с одной стороны, объективным состоянием империи, а с другой, различными тенденциями

¹ Anderson. The Eastern Frontier from Tiberius to Nero, САН, X, 1934, стр. 764. Сам Schur, Zur neronischen Orientpolitik, «Клио», XX, 1926, стр. 216, вынужден признать, что доказать факт заключения союза с Гирканией невозможно.

² Именно поэтому Корбулон выбрал для своей ставки Тиграокерту, которая представляла удобнейшую позицию для защиты Армении. Два перевала связывали ее с долиной Арсания и над тем, который вел в Арсамосату, господствовала захваченная римлянами Легерда (Тас., App., XIV, 24). Тигр, укрепления Тиграокерты и Легерды препятствовали наступлению из Месопотамии, а в случае нападения из Кюрдизны можно было отступить к Тосцитиде. Наконец, отсюда легко было достичь северных пределов Армении, как показал поход 59 г. (XIV, 26). Непонимание Гендерсоном выгод положения Тиграокерты проистекает из неправильного представления о месте, где она находилась. Однако исследования Lehmann - Harta (Armenien einst und jetzt, I, 1910, стр. 381 слл., 501 слл.) показали, что Тиграокерта была расположена не в месопотамской пустыне, а к северу от Тигра. Остатками Мартирополя, христианского наследника Тиграокерты, считаются развалины Майифарипина, расположенные в 50 км от Тигра, на берегу древнего Нимфия, который является его притоком. К этому взгляду присоединяется и советский историк Я. А. Манандян, Тиграп Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам. 1943, стр. 63—65, п, только исходя из него, можно понять стратегическое значение Тиграокерты.

отдельных группировок господствующего класса. Сенека и Бурр не стремились к новым завоеваниям на Востоке, но хотели лишь вернуть империи то, что ей некогда принадлежало. Следуя во внутренней политике образцу Августа, они и во внешней политике придерживались того же направления. Внешнеполитическая рутинная, выразившаяся в назначении Тиграна армянским царем, соответствовала консервативной внутренней политике, которая отражала компромисс между старой и новой знатью. Однако объективное положение, сложившееся на Востоке, было таково, что Армения не могла быть удержана Римом: во второй половине правления Нерона Риму пришлось отказаться от Армении, которая осталась лишь в номинальной зависимости от него. Подобное решение вопроса об Армении соответствовало оборонительным тенденциям старой знати и было необходимо с точки зрения объективного положения вещей. Внешняя политика Рима была не случайным скоплением фактов, а глубоким отражением социально-политических процессов, протекавших в центре римского мира и на его окраинах.

